

РАЗГАР СЕЗОНА...

Сколько можно критиковать филармонию? Предвижу этот вопрос. Да, читатель держит в руках номер газеты с четвертым за последние месяцы материалом такого рода. Но изменилось ли что-нибудь к лучшему, есть ли основания считать вопрос закрытым? Разгар сезона, концертов много, но нет ни одного запомнившегося.

Ансамбль «Камерата» молод, его творческое лицо еще не вполне определилось. Пока что материал (незнакомая прежде музыка) владеет артистами, а не наоборот. Может быть, поэтому недостаточно строг отбор: концерты длятся более двух часов, несколько злоупотребляя вниманием слушателей. Музыковеду Г. Тараевой, прирожденному оратору, иногда изменяет красноречие и чувство аудитории, и тогда сидящим в зале приходится внимать упоминаниям о тематизме, артикуляции, мелизмах и прочем, более уместном в вузовской лекции. Но молодой коллектив – ищущий, и это вызывает уважение.

А вот гастролирующий ансамбль – квартет имени Прокофьева – похоже, пережил свои лучшие времена. Программа построена интересно: Моцарт, П. Чайковский, Б. Чайковский, но воплощена, пусть и с должным профессионализмом, однако безынициативно, формально. Ничего не добавил к нашим представлениям о Мендельсоне и Рахманинове концерт пианистки И. Плотниковой.

Ежегодно мы слышим выступления зарубежных солистов, но почему-то гастрольные маршруты приводят в наш город исполнителей, ничем не примечательных, совсем не похожих на их броские желто-красные афиши. То ли из ложного понимаемого гостеприимства, то ли из опасений быть заподозренными в недооценке международных культурных связей, мы никогда не говорим об этом вслух. А следовало бы беспристрастно оценить выступления бразильской певицы Э. Камарго, кубинского баритона У. Маркеса, югославской пианистки Я. Станчул (частично повторившей, кстати, программу И. Плотниковой). Вряд ли можно утверждать, что это артисты европейского класса.

Удручают бесконечные отмены, замены, переносы. Даже самого стойкого меломана они способны поколебать в его приверженности концертному залу. Камерный концерт к 130-летию со дня рождения С. Танеева отменен (позднее оказалось, что перенесен). Объявление у входа в филармонию извещает об отмене выступления пианистки Е. Ашкенази, но в это время концерт начинается в зале училища искусств. Ни один из симфонических вечеров не прошел по программе, обозначенной в абонементе. Вместо одного фортепианного концерта Моцарта – другой, вместо Р. Штрауса – Россини, вместо сцены из

«Скупого рыцаря» Рахманинова в исполнении С. Яковенко другой певец выступил со сверхпопулярными ариями из «Сусанина» и «Русалки».

Разумеется, бывают обстоятельства непредвиденные, чрезвычайные, когда в заранее намеченные планы приходится спешно вносить изменения. Но не могут же исключительные ситуации возникать с таким завидным постоянством! А ведь абонемент – не что иное, как обязательство, взятое концертной организацией перед слушателем. Можно сколько угодно ссылаться на реально существующие трудности – сидящему в зале нет до них дела. По конечному результату – концерту – он судит о работе музыкантов, определяет для себя меру ее притягательности. Убедить слушателя, вернуть его доверие могут только яркие артистические личности, привлекательные программы, их качественное исполнение, а также безупречная организация и умная, планомерная пропаганда. Истины общеизвестные, но с повседневной практикой никак не соприкасающиеся.

Едва ли не все названные проблемы сошлись, больно захлестнулись тугим узлом на одном из декабрьских симфонических концертов. Афиша приглашала к знакомству с произведениями композиторов социалистических стран. Пришедших в зале ожидали заботливо разложенные на креслах печатные программки. Главный дирижер оркестра С. Коган обратился к публике с речью. Наконец, после концерта, по предложению дирижера, слушатели остались обменяться мнениями. Что это – приметы новизны, которой так остро не хватает ныне филармоническим будням?

Разочарования начались с программки. Из четырех композиторов, чьи сочинения значились в перечне, краткой характеристики удостоились только трое. Текст пестрил стилистическими несуразностями, сухой стандартностью. Как объяснил дирижер, печатная программка заменила музыковеда, ибо «мы доверяем слушателю» (значит, присутствие музыковеда – знак недоверия?). Кстати, сам дирижер говорил около получаса, фактически взяв на себя роль комментатора, с которой справился далеко не блестяще.

Программа оказалась измененной: от двух сочинений осталось по одной части (как пояснил С. Коган, «чтобы концерт был более динамичным и демократичным»). Зато звучат Сметана и Дворжак, что равносильно тому, как если бы в концерте советской музыки исполнялись Бородин и Рахманинов. Художественные достоинства основной части программы достаточно скромны, а в сравнении с классикой совсем бледнеют.

Не потому ли число слушателей убывает в течение сезона, что пропаганда серьезной музыки ведется по старинке? Не потому ли, что после успеха на Всероссийском конкурсе творческий уровень симфонического оркестра снизился? На этом фоне настойчивые напоминания по ходу разговора о лауреатском звании коллектива, о его выступлениях в Москве, о гастролях

самого дирижера (последнее совсем уж ни при чём) выглядят нескромными: публика ценит не дипломы и не командировочные удостоверения.

Искать новые формы концерта, способы общения с залом. Выступать в вузах, на предприятиях, располагающих подходящими помещениями. Знать в лицо любителей музыки, имеющих в каждом трудовом коллективе, помогать этим «искоркам» разгореться в «пламя». Создать на местном телевидении еженедельную программу дискуссионного характера, привлекающую внимание к филармонической жизни. Эти предложения высказаны слушателями. Настало время привлечь к их обсуждению и претворению в дела органы культуры, многочисленную музыкальную общественность.

Молот. 1987. 17 янв.